

С ЕГОДНЯ, когда советский народ, руководимый Коммунистической партией, построил небывалой силы государство, когда жизнь в нашей стране — это творчество человеческого разума, таланта — самый сложный раздел литературы — драматургия и самый действенный вид искусства, имеющий силу огромного воздействия, — театр — отстают от жизни. Разве театр перестал быть огромным фактором в идеологической борьбе, в воспитании молодежи, в духовной жизни нашего народа? Разве значимость и важность театрального искусства стала меньше? На все эти вопросы нам даны исчерпывающие ответы на встречах нашего правительства с работниками литературы и искусства. В выступлениях товарища Н. С. Хрущева с необычайной глубиной раскрыт противник, который стоит на пути к высокой идейности и партийности нашей литературы и искусства. Этот противник — уход от действительности, отрицание закономерностей развития нашего общества, неприятие величайшего, что происходит в нашей жизни, красота нашей действительности, грубое извращение советской жизни и образа советского человека. Все это породило в части нашей творческой интеллигенции идейные провалы и ошибки. И еще раз товарищ Н. С. Хрущев напомнил нам об огромной ответственности за судьбы советского искусства.

Я работник театра, и, естественно, у нас, театральных деятелей, вызывает беспокойство трудное положение театров без пьес. Драматург — наш самый до-

рогой друг, он же может быть и нашим врагом. Уровень репертуара является определяющим для уровня театра, и эту проблему решают, главным образом, писатели-драматурги.

Для драматурга создание сценического произведения должно являться целью жизни, потребностью души, нравственным долгом. Писатель-драматург должен уметь смотреть в будущее, уметь мечтать и любить нашу жизнь с ее трудностями, с ее борьбой — любить наших людей любовью страстной, горячей потому, что он является глашатаем нашей правды, нашей идеологии, передовых идей коммунизма. И, очевидно, только при этих условиях получается большая художественная драматургия. Тогда и театр живет в полную меру, наступает волнующее творческое искание — беспокойство, т. е. то правильное самочувствие, в котором может родиться большое театральное произведение. К сожалению, в нашем хозяйстве не все благополучно.

Театральное искусство вступило в пору своей зрелости, но оно по своему направлению, по своему жизнеощущению, по существу идей — остается молодым, юношески беспокойным и дерзающим. Новое содержание, новые герои, новая образная система, которая пришла вместе с советским театром, ставят насущные, политические и нравственные задачи времени, поэтому нашему театру не грозит опасность внутренней опустошенности, равнодушия, ста-

Верико АНДЖАПАРИДЗЕ

атра капиталистических стран. В советском театре не может быть ранее существовавших противоречий вследствие того, что все работники театра воодушевлены едиными политическими стремлениями и целями. У нас не может быть идейных столкновений. Нет и вражды поколений, но происходит закономерная смена возрастов — это непереносимое условие жизнедеятельности театра, его будущее, его завтрашний день. Но это не значит, что театр может обойтись одной молодежью. Искусство большого мастера, в совершенстве сохранившего творческую молодость, — необходимо театру. Старшее поколение нужно и для выращивания театральной молодежи. В театральных институтах, студиях — готовят быть актерами, но стать актером можно только на подмостках сцены, в практической работе и, безусловно, опыт и мастерство актера, прожившего большую сценическую жизнь, — это огромная школа для театральной молодежи. Я не имею в виду актеров, которые с возрастом потеряли свежесть и обаяние, у которых остался только груз прожитых лет, скука и привычка. Не о них речь. А сколько таких, которые сохранили в себе способность к поискам нового, творческую энергию, вдохновение художника, любовь к жизни и всему жизнеутверждающему. Творчество таких актеров молодо до глубокой старости, их надо сохранять в театрах — они любимы наро-

дом, творчество их — большой стимул для театрального искусства. Надо ли говорить о том, что сегодня много актеров среднего поколения, которые в основном несут творческую нагрузку — ярко одаренных и высоко талантливых. И немало совсем молодой поросли, в которой привлекает обаяние молодости, свежести и в которой проглядывают черты нового. Но, несмотря на то, что замечательные актеры есть как в старшем, так и в среднем и в молодом поколениях, крупные актерские победы не так часты. В чем причина? Основная причина в том, что быть талантливым недостаточно; наша профессия требует гигантского труда, огромной эрудиции, пытливого ума и большой помощи. В этом смысле не все у нас благополучно. Мы иногда отстаем от жизни. Может быть, причина кроется и в том, что мы привыкли к нашей жизни, удивительное происходит рядом с нами, нас ничем не поражает, ибо буквально каждый день несет новое, огромное — мы живем в нем и поэтому полностью не понимаем масштаба происходящего. Если завтра, проснувшись, я услышу по радио, что наш человек полетел на Луну, — я не удивлюсь. А жизнь не ждет, мчится вперед в колоссальном ритме, в огромном темпе. Задачи наши стали сложнее. Борьба на идеологическом фронте продолжается, обостряется и нельзя себе уступать передышку.

В нашей стране превалирует положительный герой. Это он вырвался в космос, поднял целину, это он совершает подвиги в науке, на полях, строит гиганты индустрии, борется за счастливую жизнь для всех людей земли. Так как же мы можем их воспроизвести, если мы не будем стараться пылливо проникнуть в сущность, в характер, в профессию этих людей, если мы не сумеем увидеть то новое, что отличает сегодняшнего человека от вчерашнего? Кого же мы сможем убедить, какие бы средства выражения мы не применили, если основное, т. е. сущность его, человека, и то, чем он движим, мы не поймем со всей глубиной.

Чтобы достичь высокого предела, нам нужны не поиски каких-либо формальных новшеств, которые повисают в воздухе, находятся в разрыве с темой и содержанием пьесы, а утверждение новых тем нашей современности средствами театрального искусства, которые ярче всего выявят идею произведения, расскажут о ней ярко, образно, интересно, волнующе.

Как часто мы бываем на сцене немного «старомодны». Мелодраматичность, сусальные чувства, ложный пафос, игра в правду и т. д. — нередки на наших сценах. И как часто мы сами заурядное выдаем за успех.

А в жизни мы видим мужественно простых людей, у которых мысли и воля сконцентрированы, темперамент собран,

11 ИЮН 1963

ЗАРЯ ВОСТОКА
Тбилиси

КОММУНИЗМ

внутренние средства выражения скупы. Люди рассчитывают минуты, они сосредоточены, строго подтянуты. И эти новые черты наших современников мы должны привнести и в наше искусство. «Порхатъ» по ролям нам нельзя. Не для пополнения послужного списка мы пришли в театр, а для дела огромной трудности — ведь наше искусство должно помочь людям быть чище, лучше. Как редко бывают спектакли-праздники, которые заставляют думать, будоражат душу, потрясают.

Чаще на сценах главенствуют пассивная мысль, расслабленная воля, равнодушие. Но только ли актеры виноваты? Не лежит ли большая вина и на режиссерах, организующих спектакль, направляющих актеров? Я не имею в виду бесспорно интересных, самобытных, талантливых режиссеров, но когда за это дело берется человек средних познаний, малых способностей и ограниченных возможностей — мучаются актеры, страдает театр, уходит зритель. И эта сторона нашей театральной жизни требует строгого отношения, ибо в руках режиссера победа или провал спектакля. Художники, создающие театральное искусство, у нас очень различны и по темпераменту, и по своим творческим устремлениям. Требуется нивелировать свое искусство нет никакой необходимости. Наоборот, самобытность, яркая индивидуальность, «неповторимость» — это чер-

ты, которые выделяют высокое искусство. Чем разнообразнее дарование художников сцены, тем богаче театры. Но одно является обязательным для каждого из нас — правда искусства должна служить правде жизни. Но правде жизни не буквальной, скопированной, не натуральной, а преображенной огненной фантазией режиссера, актера, всегда тонко чувствующих соответствие между правдой жизни и правдой искусства. Этический принцип художника-гражданина, активно относящегося к жизни, и эстетические принципы работника театра, черпающего вдохновение в богатстве реальной жизни, определили новый исторический стиль в искусстве — стиль социалистического реализма. Иногда некоторые думают, что реалистическое искусство — это обедненное, упрощенное, лишенное красок, страсти, острой, яркой формы искусство. Кто внушил им это? Который из наших великих мастеров театра? Чтобы за примерами не ходить далеко, вспомним спектакли Котэ Марджанишвили. Все, что было отмечено вдохновенным творчеством, имело ярчайшую форму, было насыщено неисчерпаемой фантазией гениального режиссера, все, что подымало искусство театра до большой силы воздействия — был это исторический материал или современный, — все было правдиво, реалистично. Назову из всех спектаклей самый условный по своей форме — «Уриэль Акоста». Только большая правда

дала ему возможность жить на сцене почти 40 лет и с одинаковой силой волновать зрителя. Да и сейчас все, что волнует и впечатляет зрителя — будут ли это спектакли в целом или отдельные актеры, образы — все талантливо, высоко художественное, — реалистично, глубоко правдиво.

Личность, гражданина ственность играют важнейшую роль в нашем деле. Этические нормы неразрывны с нашей эстетикой.

Хорошо работает в театре, когда в нем царят настоящая, светлая дружба, такт, взаимное уважение, ибо наша профессия — это коллективный труд, труд единомышленников; только в таких условиях создаются произведения, наполненные единым дыханием, единой мыслью, единым волнением. Проблема показа положительно героя до сих пор стоит остро и перед драматургией и перед театром. Показать и рассказать о человеке, строящем коммунизм, — наш моральный долг.

Несколько слов о критике, которая является огромным фактором в театральной жизни. К великому сожалению, наши критики зачастую забывают о главном — что критика искусства неразрывно связана с самим искусством.

Предъявляя те или иные требования театру, всегда ли критик с теми же требованиями относится к себе? Я не хочу ни в коей мере советовать ослабить критику, наоборот. Принципиальная, воинствующая, страст-

ная, заинтересованная критика непременно нужна. И потому у нас критике предъявляется большой счет. Разве критик в меньшей мере, чем драматург, должен уметь мечтать, видеть перспективу, любить и волноваться за материал, любить театр, любить актера? Если театр (актер, режиссер, художник, композитор) вкладывает в свою работу огромную энергию, всю силу души, не щадя себя, то разве не того же нужно требовать от критика? А где они, эти серьезные труды критиков? Их так мало, и их запоминаешь на всю жизнь. У нас есть они — талантливые, хорошо видящие и умеющие понять театральное произведение, но, к сожалению, почему-то роль критики облегчена, критиковать стало легко, и за это дело берутся часто ремесленники. Поэтому большинство критических статей (если их можно назвать статьями) носит характер формальных отписок, холодных, незаинтересованных, никому ничего не говорящих, и, конечно, не направляющих. Бывает и так, что критикующий не знает материала, о котором ведет речь. И бывает, что личные симпатии или антипатии делают оценку тому или иному спектаклю. Это очень плохо, потому что такая критика дезориентирует театр, дезориентирует зрителя. Приятельские отношения, нежелание обидеть или навредить на себя гнев того или иного деятеля театра или литератора зачастую оказывают плохую услугу и театру и драматургу. Если мы

требуем от актеров, режиссеров этических норм в поведении, требуем знания жизни, поисков нового, большой ответственности за каждый шаг, то критик всем этим должен обладать если не в большей, то не в меньшей степени. В моей актерской биографии критики сыграли большую роль — сейчас речь не о нас, завершающих свой театральный путь, но о тех, кто в расцвете и кто должен расти. Разве можно забывать о том, что критика — действенное оружие, помощник актера. А как разобратся в нашем большом хозяйстве, если критика затрагивает только крупные объекты, а так называемые «мелочи», которые зачастую решают судьбу театра, обходит молчанием. Я имею в виду вторых, третьих и других исполнителей ролей. Это очень дорогая для театра прослойка актеров, и численность их превосходит «первачей». В нашем искусстве «чуть-чуть» решает. И как обидно, что мало критики, врывающейся в глубину нашей профессии. Немного лучше, немного хуже, стоит ли об этом говорить. Стоит, товарищи. Это «немного» делает актера или творцом или ремесленником. Если сердце не заботит, если все ночи спокойно спать, ни у нас, ни у критиков ничего не получится. Любовь, страстность, уважение, ответственность, неуспокоенность, искания обязательны для нас и обязательны для критика.

Обо всем этом я говорю потому, что дело театра — это наше общее дело; в идеях коммунизма — великая надежда человечества, а искусство наше, отражая в своем творчестве высшие идеалы, выполнит свой священный долг.